

ПРОНОМИНАЛЬНЫЕ ЭПИТЕТЫ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В РУССКОМ ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ XX–XXI ВЕКОВ (СЕМАНТИКА УКАЗАНИЯ НА ПРЕДМЕТ И/ИЛИ ПРИЗНАК)

А.А. Папейко (Могилёв, Беларусь)

В работе рассматриваются эпитеты-местоимения *жизни* и *смерти* с семантикой указания на предмет и/или его признак, выявленные в поэтических произведениях 31 автора. В рамках каждого из лексико-семантических полей (*жизни* и *смерти*) выделяются основные смысловые подгруппы эпитетов. Помимо собственно семантики, уделяется внимание частотным особенностям прономинальных эпитетов, а также роли контекста. Общий объём изученных текстов составляет 2,2 млн. словоупотреблений.

Ключевые слова: концепт; концептосфера; эпитет; жизнь; смерть; семантика; русский поэтический дискурс.

Изучая концептосферу русского поэтического дискурса XX–XXI вв., мы столкнулись с тем, что в рамках каждого из рассматриваемых периодов (1901–1940 гг., 1941–1980 гг., 1981–2022 гг.) в качестве образных определений *жизни* и *смерти* использовались местоимения, соотносимые с именами прилагательными и с учётом контекста играющие важную роль в воссоздании читателем художественного образа. Фактической базой для нашего исследования послужили поэтические тексты 31 автора с общим объёмом более 2,2 словоупотреблений. Источниками поэтических текстов послужили Национальный корпус русского языка [1], разнообразные литературные ресурсы [2–5], персональные сайты авторов, а также архивы произведений, непосредственно предоставленные некоторыми авторами.

В результате выявления особенностей таких средств дискурсивного отображения *жизни* и *смерти*, как субстантивные метафоры, сравнения, эпитеты, субъектные глагольные метафоры, объектные глагольные метафоры, в рамках каждого из них было выделено по 20 соотносимых групп, позволяющих рассмотреть *жизнь* и *смерть* в качестве членов бинарной оппозиции. Одна из групп эпитетов, получившая название «Указание» и объединившая лексические единицы с дейктической определительной семантикой, оказалась представлена местоимениями. Ниже приводится перечень смысловых подгрупп, образующих группу эпитетов с общей семантикой указания в полях *жизни* и *смерти*.

ЖИЗНЬ (45 примеров, 7 разных слов, 3,73%):

- 1) обладание определёнными чертами – *такая* (5), *такова* (3);
- 2) несовпадение с объектом сопоставления – *другая* (14), *иная* (20);
- 3) нивелирование различий, обобщение – *всякая*, *любая*;
- 4) указание на объект в ряду прочих – *эта*.

СМЕРТЬ (6 примеров, 3 разных слова, 1,88%):

- 1) *такая*;
- 2) *другая*;
- 3) *любая*.

Вследствие изначально ограниченного количества возможных компонентов, обусловленного их частеречной принадлежностью, эпитеты данной группы демонстрируют высокую степень повторяемости в сопоставлении со средней по всем группам (особенно заметна повторяемость эпитетов *жизни*): соотношение общего количества примеров и числа разных слов в поле *жизни* составляет $45 : 7 \approx 6,43$ раза и в поле *смерти* $6 : 3 = 2$ раза.

(Для сравнения: среднее по всем группам соотношение общего количества примеров и числа разных слов составляет $1206 : 495 \approx 2,44$ в поле *жизни* и $320 : 213 \approx 1,50$ в поле *смерти*.)

Несмотря на то, что эпитетов *смерти* в рамках данной группы представлено существенно меньше, обращает на себя внимание резкое несовпадение относительной частотности подгрупп №2 и №3, которое обнаруживается при сопоставлении двух полей. Так, соотношение суммарного количества эпитетов в названных подгруппах для *жизни* (*другая, иная Vs. всякая, любая*) оказывается равным $34 : 2 = 17$ раз, в то время как в поле *смерти* (*другая Vs. любая*) данное соотношение составляет $1 : 4 = 0,25$ раз. Иными словами, в поле *жизни* наблюдается семнадцатикратное частотное преобладание эпитетов подгруппы №2 (несовпадение с объектом сопоставления), в то время как в поле *смерти*, напротив, в четыре раза чаще встречаются эпитеты подгруппы №3 (нивелирование различий, обобщение). Более того, подгруппа №3 в поле *смерти* показывает не только относительное, но и абсолютное количественное превосходство в сопоставлении с полем *жизни*, что становится особенно заметным с учётом суммарного количества эпитетов группы «Указание»: при общем количестве эпитетов данной группы 45 (в поле *жизни*) и 6 (в поле *смерти*) подгруппа №3 численно представлена двумя и четырьмя примерами соответственно. Такое соотношение говорит о том, что *смерть* выступает в качестве своеобразного «уравнителя» по отношению к *жизни*, многовариантной по своей природе, например: *С тобою раздвигались стены / В иную жизнь...* (Цветаева) – Сравн.: *И если в этом мире не дано / Нам расковать последнее звено, / Пусть смерть приходит, я зову любую!* (Гумилёв)

Что касается самых частых эпитетов, то в поле *жизни* они представлены в подгруппах №1 (обладание определёнными чертами) и №2 (несовпадение с объектом сопоставления).

Подгруппа №1 состоит из эпитетов *такая* и *такова*, в совокупности дающих 8 примеров употребления. Прономинальная природа данных определений ведёт к тому, что для реализации их образного потенциала в обязательном порядке необходим контекст, роль которого различна. Так, необходимые сведения могут быть рассредоточены по всему тексту или по значительной его части; эти сведения необходимо собирать и «складывать» в единое целое, что требует существенной работы по «расшифровке», иначе эпитет окажется абсолютно непонятным, например: *А ты не уедешь, здесь денег нет / в такую жизнь покупать билет* (Бродский). В других случаях ближайший контекст может содержать прозрачную «подсказку», однозначное пояснение, представляющее собой обобщение необходимых сведений в одном слове (в приведённой далее цитате таким пояснением служит квалитатив *плохая*): *Держись, держись, держись, держись, / Кретись и чисти пёрышки, / Такая жизнь – плохая жизнь – / У современной Золушки!* (Галич). Наконец, прономинальный эпитет может сам по себе в достаточной степени выступать в качестве носителя основного смысла, а контекст служить средой для образования ассоциативной цепочки; в приведённой далее цитате эпитет *такая* достаточно прозрачно прочитывается как ‘хорошая’, ‘лучше здешней’, а

ближайший контекст подводит к мысли, что, несмотря ни на какие усилия, «здесь» никогда не будет так же хорошо, как «там»: *Хоть всё пропой, протарабань я, / Хоть всем хоть голым покажись – / Пустое всё, – здесь – прозябанье, / А где-то там – такая жизнь!..* (Высоцкий).

Подгруппа №2 образуется местоимениями *другая* и *иная*, которые за счёт высокой устойчивости составляют в рамках данной группы три четверти (34 примера, т.е. 75,56%) всех эпитетов *жизни*. Семантически близкие между собой, данные прономинальные эпитеты в качестве образных средств позволяют передать широкий спектр значений.

Так, эпитет *другая* может иметь выраженную оценочную коннотацию, реализуя значение ‘приятнее’, ‘легче’ в сопоставлении с теперешним образом *жизни*, например: *А во дворцах другая жизнь: / Насытись водной блажью, / иди, рабочий, и ложись / в кровать великокняжью* (Маяковский). Этот же эпитет служит для сопоставления разных отрезков *жизни* человека, причём утраченное выступает в качестве лучшего, что только было возможно, например: *Да, многое дала тебе любовь, / теперь вовеки не получишь вновь / такой же свет, хоть до смерти ищи / другую жизнь, как новый хлеб души* (Бродский).

С помощью эпитета *другая* может противопоставляться прежнее и настоящее как мечта и реальность; обыденность, рутина, сопровождающие семейную *жизнь*, выступают при этом в качестве разрушительного начала по отношению к возвышенности, искренности, любви: *И я, конечно, в тот момент не думал, / что, может быть, в другой какой-то жизни, / отчаянный, худой, бритоголовый, / с мячом, где сквозь расплзшиеся дольки / живое тело камеры чуть дышит, / он ждал её в Серебряном бору* (Евтушенко). В некоторых случаях *жизнь* может выступать в качестве вторичной номинации какого-либо конкретного человека, в таком случае сочетание *другая жизнь* приобретает значение ‘другой человек’: *Там старшая жизнь не дыша поднимает / египетский уединённый цветок... / Другая смешалась, и ветки ломает, / и мокрые руки к щекам прижимает* (Седакова). Эпитет *другая* является также средством сопоставления противоположных по качеству, но при этом постоянно чередующихся отрезков *жизни* одного и того же человека: *Когда проходят дни запоя, / Мой друг причёсан и побрит / И о высоком говорит / Уже не страстно, а спокойно, / И даже как-то безразлично, / Как будто всё само собой. / Он выражается прилично / И к жизни тянется другой* (Митяев).

Местоимение *иная* позволяет указать на возможность лучшего качества *жизни* при соблюдении определённых условий, например: *Жизнь была бы иной, не такую дрянной – / Кабы ближних своих от лукавства избавить* (Долина). Это же местоимение может передавать значение ‘равноценная’, ‘обладающая такими же качествами’, ‘являющаяся заменой по отношению к сложившейся’; невозможность созидания *иной* (в приведённом значении) *жизни* становится причиной резкого осуждения ситуации, при которой в угоду сиюминутным желаниям разрушаются чьи-либо устоявшиеся отношения, например: *Подло ломать чью-то жизнь мимоходом, / если не можешь построить иной* (Евтушенко).

Эпитет *иная* помогает реализовать семантику возможности более высокого качества *жизни* при каких-то условиях, которые неизвестны, неясны для говорящего, например: *А функция заката такова: / Печаль нас, возвысит наши души, / Спокойствия природы не нарушив, / Переиначить мысли и слова. / И выяснить при тлеющей звезде, / Зажатой между солнцем и луною, / Что жизнь могла бы, в общем, быть иною, / Да только вот – не очень ясно – где* (Визбор). Этот же эпитет может содержательно приближаться к прилагательному *следующая*, вербализуя тем самым возможность посмертного осознанного существования или воскрешения, возвращения к *жизни* после смерти, например: *Грома гремели, небеса разъяв, / и мрак гулял в его остывшем теле, / когда над ним плащи свои воздели / единственные верные друзья. / Они явились, смерть его поправ, / ему неся иную жизнь и имя – / и он восстал. И он пошёл за ними. / И он покинул нас. И он был прав* (Егоров).

Местоимение *иная* по отношению к *жизни* может также употребляться для обозначения более комфортных условий, одновременно соотнося понятие комфорта с территориальным обозначением *там*, что создаёт контраст с однозначно более низкой оценкой уровня *жизни*, соотносимой с понятием *здесь*, например: *Пролетаю я над морем, над стамбульской Галатой. / Подо мною жизнь иная. Рог довольно Золотой, / минареты, и трамваи, и бараньи шашлыки... / А у нас – одни раздоры, только слёзы да штыки* (Окуджава).

Библиографический список:

1. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ruscorpora.ru>. – Дата доступа: 01.09.2024.
2. Международный портал авторской песни [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.bards.ru>. – Дата доступа: 01.09.2024.
3. Вавилон [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://vavilon.ru>. – Дата доступа: 01.09.2024.
4. Журнальный зал [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://magazines.gorky.media>. – Дата доступа: 01.09.2024.
5. Новая камера хранения [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://newkamera.de>. – Дата доступа: 01.09.2024.